

Тамара Квитко

УЛЫБҚА

Тамара Петровна Квитко

Улыбка

Текст книги предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42733036

Улыбка. Фантастическая повесть: Геликон Плюс; СПб.; 2018

ISBN 978-5-00098-185-6

Аннотация

«Улыбка» – фантастическая повесть о романтически настроенных героях, мечтающих осваивать другие планеты, о бескомпромиссности молодости, о поиске своего предназначения.

Хумов – выпускник специализированного колледжа, ведущего подготовку спасателей для работы на Марсе, едет в электричке за город для сдачи последнего экзамена. Случайная встреча с Ханой и ряд других непредвиденных обстоятельств ведут к провалу экзамена. Мечта полететь на Марс терпит фиаско. Мало того, Хумова начинают преследовать, так как он лучший сверхсекретный спасатель и его приказано доставить к высокому начальнику. Хана оказывает ему моральную поддержку, помогает скрываться. Между ними вспыхивает любовь.

Невероятные приключения героев заставят читателя, не отрываясь, проследить отрезок их жизненного пути, описанный в повести.

Содержание

Первая часть	5
1	6
2	12
3	21
4	25
5	33
6	40
7	44
8	51
9	57
10	64
11	79
Конец ознакомительного фрагмента.	80

Тамара Петровна Квитко

Улыбка

Фантастическая повесть

Любовь сильнее смерти и страха смерти.

Только ею, только любовью держится и движется жизнь.

И. Тургенев

Первая часть Экзамен

*Вера в нашу свободу, есть только неведение
причин, заставляющих нас действовать.*

Спиноза

1

Хумов открыл глаза и привычно уставился в мутный круг окна, расположенный чуть левее от его изголовья, наглухо впаянный в бетонную коробку его обиталища.

Тяжёлые свинцово-серые огромные облака с тёмными рыхлыми подпалинами, медленно и неуклюже поворачиваясь, проплывали бесконечной утомляющей грядой, усыпляя своим однообразием, изредка приоткрывая пока ещё не определившуюся синеву предутреннего неба.

Ровно в 6.00, как положено по предписанию, он спустил правую ногу на холодный пластик и через секунду, отдав приказ телу, встал на обе ступни, почувствовав привычный холод под ними.

Матрас, слегка пискнув, поддался нажиму, рванулся и мягко прилип к стене, увеличив комнатку, напоминавшую каюту. Сходство это усиливалось от слабого освещения неоновой лампы, наглухо впаянной в низкий потолок и издающей зеленоватое свечение, повторяющееся в окантовке откидного столика и стула. Встроенный шкаф растянулся во всю длину неприхотливого жилища, в котором всё было подчинено продуктивному использованию минимального пространства, отвергающего малейшее излишество.

Потянувшись, сделав несколько глубоких вдохов и выдохов, Хумов достал из шкафа униформу зелёного цвета с се-

ровато-блеклыми разводами, между которыми проглядывали и другие оттенки в абстрактной комбинации рисунка, снабжённую многочисленными карманами на липучках, затем – ботинки на толстой подошве и чёрную шлемовидную шапочку.

Одевался он неторопливо, тщательно разглаживая на сильном тренированном теле складочки, ощупывая один за другим карманы, мысленно припоминая, что в них находится и всё ли на положенном месте, в необходимом количестве и в соответствии с инструкцией.

В группе над ним подсмеивались. Слишком он был щепетилен, до тошнотворной дотошности, в выполнении предписаний, нагружая себя множеством ненужных причиндалов, но Хумов не обращал на это внимания и был прав: взятые им запасливо вещи оказывались как нельзя более кстати и выручали товарищей в трудную минуту.

Сейчас ему оставалось наполнить плоский термос кипятком, и он будет готов.

Группа молодых специалистов заканчивала обучение в секретном центре, и ему предстояло пройти последний испытательный тренинг, получить зачёт и затем – назначение на службу.

«Тренинг этот не совсем обычный. Он может длиться для каждого по-разному: от одного часа до нескольких лет. Вы не сможете узнать, закончился ли он для вас, пока не получите назначение на место службы. Ведь вы готовитесь для работы

не на земном объекте», – вспомнил он напутственные слова инструктора – невысокого, крепкого сложения мужчины с юркими глазками стального цвета и неизменной улыбкой на тонких губах, открывающих белоснежный ряд отлично сделанных зубов.

Хумов заполнил термос кипятком, аккуратно закрутил пробку и промокнул влагу бумажной салфеткой.

«Готовность номер один!» – мелькнула заученная дежурная фраза, и он улыбнулся для поднятия духа. Его облик сейчас мало чем отличался от облика сотоварищей по группе. Единственное, что его выделяло среди других, – это улыбка, делающая его лицо неотразимым и до крайности приятным, располагающим, внушающим безоговорочное доверие.

Хумов закрыл дверь, спрятал ключ в один из карманов довольно объёмного рюкзака и, миновав несколько лестничных пролётов – он не любил пользоваться лифтом, считая полезность сбегания по ступенькам одним из преимуществ оных, – вышел на улицу, вздохнув свежесть и относительную чистоту утреннего воздуха.

Через десять минут он уже спускался по подземному переходу к поезду. До блока питания ему нужно было проехать три остановки. Подошёл поезд, он вошёл в вагон и, не проходя вглубь, встал, широко расставив ноги. «Одна... Две...» – считал он привычно, не глядя на немногочисленных пассажиров, заранее зная их обычность во внешнем облике, различающуюся разве что по цвету комбинезонов.

На третьей остановке он вышел и поднялся на лифте наверх. Тяжёлая свинцовость облаков несколько ослабила свою насыщенность и теперь, слегка поредев, пропускала слабые солнечные лучи.

Выдача питания осуществлялась за углом, в просторном, выполненном по последним архитектурным новшествам, сплошь из стекла здании. На его груди справа загорелся отличительный зелёный значок, дающий ему право беспрепятственного прохода. Двери перед ним раздвинулись. На раздаче очереди не было. Хумов сунул свой индикатор в прорезь и тут же получил в прозрачной вакуумной упаковке пачку спрессованных брикетов.

Через несколько минут он стоял в небольшом парке у скамейки, выполненной из блестящего металла, чтобы никому не пришло в голову вырезать любовные знаки, и мучительно раздумывал: опустить сразу оба бrikета в термос или один, как предписывала инструкция. Он каждый раз сомневался и каждый раз опускал оба, не понимая, в чём разница. Ему удобней было растворить сразу оба, чтобы потом не дожидаться растворения второго бrikета, а побыстрее выпить, и дело с концом.

Пожалуй, он любил эти минуты, когда маслянистая, содержащая весь набор аминокислот, белков, минералов и витаминов жидкость разливалась, достигая каждого суставчика, каждой клеточки его мускулистого молодого тела. В голове появлялась пьянящая лёгкость, расслабляющая и под-

нимающая настроение, а минуты через две в него вливалась энергия, а с ней и радость жизни.

Хумов бодро поднялся со скамейки и зашагал к станции метро. Его путь лежал за город, в зону Z-4. Он снова спустился в подземку. Ему предстояло два часа восемь минут мчаться через весь город на окраину.

Сев и отдав телу приказ расслабиться, он прикрыл глаза, решив максимально отдохнуть, сберегая свои силы для предстоящего испытания.

Его мало интересовало окружающее, но через щёлки глаз он улавливал незначительные перемещения в вагоне: зелёные, коричневые, синие комбинезоны садились, вставали, выходили, входили, висели, ухватившись за поручни. Лица выражали углублённость в себя людей, перегруженных информацией и не желающих идти ни на какие контакты, все силы которых сосредоточены на выполнении жизненно важных функций организма и максимальном сбережении драгоценной энергии для продуктивной деятельности мозга.

Ради этой же цели при общении царили безупречная вежливость и необыкновенная предупредительность. Вспыхивающие улыбки на лицах выражали приязненность хорошо воспитанных людей: короткие вежливые вопросы, такие же короткие вежливые ответы, крайняя предупредительность друг к другу, тихие, спокойные голоса.

Хумову неожиданно вспомнилось, как он впервые понял, вернее, ощутил присутствие иного мира. Группу мальчиков

начали обучать приёмам телепатии, и он в гипнотическом состоянии неожиданно увидел перед собой целый игрушечный городок, да так явственно, что в реальности его существования не сомневался. Это было самое яркое впечатление его детства – детства, лишённого родительской, да и любой другой заботы и ласки. Воспоминание было настолько приятным, что он снова окунулся в него, наблюдая за жизнью сказочного города, которую сейчас снова увидел перед собой и разглядывал с затаённым восторгом и любопытством маленького мальчика, навсегда оставшегося в нём.

2

Выйдя на конечной метро, Хумов перешёл на платформу № 8 и пересел в вагон загородного поезда, прибывшего ровно по расписанию. Войдя, он сел рядом с выходом, готовясь снова окунуться в воспоминания. В готовую уже закрыться дверь впорхнуло юное существо с рассыпавшимися по плечам волосами цвета только что распустившегося одуванчика, с огромными ярко-голубыми глазами. В вагоне сразу стало светло, радостно, ярко.

Хумов непроизвольно и широко улыбнулся, глядя в синие глаза девушки. И тут же звонкий голос произнёс:

– Снова опоздала... Если бы вы только знали, как мне надоело каждый день делать одно и то же! Меня снова выставили за дверь! Я почувствовала свободу, и тут же мне захотелось умчаться в синь неба и зелень полей. А с вами такое случилось?

Вопрос, заданный девушкой... нет, скорее девочкой, поставил Хумова в затруднительное положение. Сказать «нет» – обмануть её ожидания, а ответить «да» – беззастенчиво соврать.

– Можете не отвечать. С каждым такое случилось хоть раз в жизни. У вас удивительная улыбка! Вам говорил кто-нибудь?

И снова Хумов затруднился с ответом. Сказать «гово-

рил» – похвастаться и одновременно ущемить наблюдательность молодой особы, сказать «нет» – солгать, чего он не мог себе позволить.

– Можете не отвечать. Я и так знаю. Вопрос неуместный. Говорили, и не раз. Но это не имеет особого значения. Для меня, по крайней мере. Мне всё равно. У вас располагающая улыбка. Если честно, меня она поразила. Так улыбаться может только замечательный человек! Ни у кого не видела до сих пор такой обалденной улыбки, – и через короткую паузу, не дав опомниться: – Меня зовут Хана. А вас?

– Хумов, – несколько растерявшись, произнёс Хумов и сразу встал, слегка поклонившись, выражая любезность и демонстрируя отменное воспитание.

– Хумов, я полагаю, фамилия, а имя?

– Меня вообще-то чаще по фамилии, и я привык, – совсем растерялся он.

– Но имя, надеюсь, вы не забыли?

«Дерзко разговаривает девочка», – подумал Хумов и хотел было прервать разговор, однако, заметив в её глазах восторженное сияние, понял, что это от переполненности юных сил, в этом нет и намёка на желание его уколоть, и с улыбкой повторил:

– Хумов.

– Интересно... Хотите яблоко?

– Нет-нет! Спасибо, – он вежливо отказался, подумав про себя, как только можно есть такую кислятину, и его внут-

ренне передёрнуло. Он знал: есть другие люди, отличные по статусу, которые живут и питаются по-другому. Ну и что? И пусть. Каждому своё. Каждый проживает свою жизнь, и у каждого свои тараканы. Не всем же работать на межпланетных станциях, или того лучше – планетах.

– Вообще-то я еду к бабушке, – заявила Хана, доедая яблоко. – Вы любите свою бабушку?

И снова Хумов был поставлен в невероятно затруднительное положение. Не то что бабушку, он и родителей своих не помнил.

– Ой, что же я? Глупый вопрос. Кто же не любит свою бабушку? Всякий любит. А у вас есть собака? Вот это хороший вопрос. Собаку не каждый имеет. Правда, отличный вопрос?

– Замечательный. Но у меня, к сожалению, собаки никогда не было.

– Завести собаку никогда не поздно. Ой! Мне пора выходить. Вы мне дико понравились. А ваша улыбка... Даже и слов не найду. Вот мой номер для связи. Обязательно заведите собаку. Или не заводите.хлопотно! Ну как хотите, – и она выпорхнула из вагона, успев на ходу сунуть визитку в его большую, горячую ладонь.

Он повертел карточку между пальцами, сунул в один из многочисленных карманов, подумав: пусть полежит, есть-пить не просит. Приятно всё же. Первый раз в жизни девушка, да какая, дала ему номер для связи.

Через двадцать одну остановку Хумов вышел на станции

по требованию.

Он шёл быстрым шагом по выющейся не очень приметной тропке около часа. На душе было легко. Его не покидал образ встреченной им девушки. Впереди показалась серая стена. Подойдя к бесконечно длинному, высокому бетонному забору, он с трудом обнаружил едва заметную полоску индикатора и, приложив к нему светящийся зелёный значок, прошёл внутрь открывшейся массивной двери, быстро и уверенно пошёл по тропинке к лесу. Что ни говори, а у таких, как он, есть свои преимущества, а у него, Хумова, ещё и улыбка.

«Однако жарко здесь», – отметил он. Тропинка петляла в зарослях непроходимой травы, раза в два превышающей его рост, и ему от этой необычности делалось не по себе. Огромные мясистые листья веером уходили к верхушкам высоких деревьев. Заповедник заповедником, а такую пышность и за океаном не сыщешь. Что же тут ему исследовать? Заповедная зона таила в себе опасность. Что здесь не то? Инструктор рекомендовал ему быть предельно внимательным и, главное, принять верное, единственно верное решение.

Молодой человек огляделся. Высоченная трава походила на лес. Солнце всё же пробивалось сюда, бросая ажурную сеть, зажигая яркими фонариками листья, из-под которых кое где выглядывали диковинные цветы. Пахло влажной прелостью и незнакомым, но приятным ароматом. И тут он услышал нежное щебетанье, этакое тончайшее звонкое многоголосие. Он, затаив дыхание, пошёл на эти чарующие зву-

ки, осторожно раздвигая руками податливую густую зелень, и вскоре оказался на лужайке.

И тут у него перехватило дыхание. Перед ним предстал крошечный город, созданный из белоснежного материала. Жилища имели сферическую форму и восхищали изысканной красотой архитектурных ансамблей.

Город, поднимался со всеми его башенками не выше колен, и он сначала нагнулся, а потом и вовсе присел, чтобы получше разглядеть постройки и тех, кто сотворил это чудо. В центре на площади находилось сооружение, похожее на ангар с куполом, ослепительно блестящим на солнце. Никаких признаков живых существ не было видно. Город выглядел как большая игрушка, изготовленная по специальному заказу к Рождеству.

Но каким образом этот город оказался здесь?.. И для чего его сюда отправили?

Не полюбоваться же этими уникальными архитектурными ансамблями, слегка напоминающими наши, однако значительно превосходящими их по изысканной красоте, удивительной фантазии и сложности исполнительного мастерства?

Внимательно приглядевшись, Хумов увидел, что в этих восхитительных сооружениях находятся дивные полупрозрачные существа в легчайших одеждах необычайно тонкой цветовой гаммы.

И тут он увидел женщину в белоснежной одежде. Она на-

чала на глазах расти, становиться выше и выше, и ему пришлось вскоре выпрямиться во весь свой рост.

Женщина смотрела на него внимательно и как бы мимо, сквозь, и он начал понимать её. Она сообщала ему о том, что они прибыли с другой планеты на помощь к землянам. Когда им пришлось материализоваться и их смогли увидеть, так как они приняли форму землян, их начали изучать, но отнеслись к ним так, как если бы с ними вступил в контакт какой-либо из многочисленных видов обитателей планеты. Потом, после многочисленных экспериментов, им дали возможность спокойно жить и развиваться, периодически наблюдая за изменениями, предварительно окутав их поселение тонкой плёнкой. Они не могут разорвать эту плёнку по этическим правилам Вселенной. Это может сделать только представитель землян.

Женщина умоляюще смотрела на Хумова. И тут тот увидел, что находится за пределами прозрачной сферической оболочки. Стоило ему протянуть руку, и он почувствовал тугую плотность прозрачной поверхности. Не раздумывая, он быстро достал из накладного кармана нож. «Подождите, пожалуйста, мы сначала должны занять наш космический корабль», – услышал Хумов, и рука его замерла.

Женщина поблагодарила такой улыбкой, за которую он мог легко отдать жизнь при другой ситуации, и стала быстро уменьшаться.

Некоторое время он с любопытством наблюдал, как су-

щества стайками подлетали к куполу в центре города и тут же исчезали в глубине ангара. Через некоторое время купол раскрылся, и Хумов увидел космический корабль инопланетян, представляющий собой три шара, скреплённых между собой тремя светящимися трубками, закрученными лентой Мёбиуса, обхватывающей все три шара и скрепляющей их в единый неразрывный массив.

И тут он получил сигнал: пора. Рука его с зажатым в ладони ножом полоснула по прозрачной поверхности, но, не пробив её, со скрежетом соскользнула, едва не задев ногу. Плёнка оказалась только похожей на тонкий полиэтилен. Хумов положил на поверхность левую руку и почувствовал холод и крепость твёрдой поверхности при её необычайно тонкой прозрачности.

«Я должен это сделать, но как?» – подумал он, поднимая голову.

О том, чтобы попытаться вскарабкаться по гладкой скользкой поверхности, не было и речи. А вот использовать для этой цели дерево для него не составят труда.

Усевшись на землю, он быстро достал наконечники с шипами, надел их на ботинки и ловко полез на самое высокое дерево, с которого задумал перебраться на поверхность купола. Ему надо будет сверху просверлить отверстие. Всё остальное инопланетяне сделают сами. Так он понял просьбу женщины.

Хумов быстро достиг того уровня, с которого легко можно

будет спуститься на покрытие, и обрадовался, увидев, что сфера в центре плоская. Тем не менее он предусмотрительно нацепил липучки не только на перчатки, но и на поверхности коленей своего комбинезона, после чего совершил прыжок.

Что ж! На это он и рассчитывал. Осторожно освободив правую руку от перчатки и достав миниатюрную дрель, он начал проделывать отверстия по окружности одно за другим. Работа требовала усердия и большой сосредоточенности. Надо набраться терпения. Там, внизу, эти замечательные существа с нетерпением ждут свободы. Сколько им пришлось находиться под этим куполом? И почему их не отпускают? Что они принесли землянам? Какую хотели оказать помощь? Подобные вопросы начали возникать в голове. Было ясно одно: у него просят о помощи, и он должен это сделать.

И вот последнее отверстие. Теперь, чтобы не допустить аварийного падения, надо действовать сверхосторожно.

И только он попытался ножом поддеть образовавшуюся крышку, как плотная и одновременно сильная волна подняла его и мягко опустила на землю, накрыв сверху чем-то пахучим и приятно тёплым.

Когда Хумов очнулся, он обнаружил себя лежащим на ложе из травы. В правой руке он нащупал шарик и, поднеся его к глазам, увидел, что внутри его мелькает образ прекрасной, обворожительно улыбающейся женщины.

«Удивительный сон мне приснился», – подумал он. То,

что его пальцы сжимают шарик, не показалось ему странным. Мало ли кто сунул ему в карман излюбленную электронную игрушку, а он машинально её достал при пробуждении. Хана! Да, Хана! И Хумов широко улыбнулся.

Бабушка, медленно передвигаясь на коленках, усердно пропалывала лук. Хана, не говоря ни слова, опустилась рядом и принялась выдёргивать сорняки из тёплой рыхлой земли. Солнце приятно грело затылок и плечи. Так они в безмолвии допололи грядку, и бабушка, разогнувшись, спокойно спросила:

– Снова сбежала?

– Меня выставили, – улыбаясь во весь рот, поправила Хана.

– Пошли, что ли, чайку попьём? – покачав головой, сказала бабушка.

Хана семеняла за худенькой фигуркой, думая, как ей хорошо и просто рядом с ней.

Бабушка ловко накрывала на стол, заваривала чай в чайничке – она не любила чай из пакетиков, – ставила на стол вазочку с клубничным вареньем, печенье собственного приготовления, а Хана продолжала думать: «Какая же она бабушка, если выглядит на возраст мамы? Ни морщинки на гладком ухоженном личике, ни сединки в красиво уложенных блестящих каштановых волосах...»

Бабушка подвинула поближе чашку с ароматным, карего цвета чаем. Хана знала, что слово «карий» к чаю не подходит, но как ещё назвать эту золотистую жидкость, когда в неё

проникает луч солнца? Чай цвета гречишного меда? Да, так лучше. Чай цвета гречишного меда.

– Ты что, заснула? Бери сушки, – бабушка подвинула вазочку с аппетитными сушками и таинственно прошептала: – Сегодня придёт твой дедушка.

– Да?! – выдохнула Хана. – Когда?

– В любую минуту.

Хана вскочила, подбежала к бабушке, закружила её в вальсе, радостно повторяя:

– Придёт дедушка! Дедушка! Дедушка...

– Да, да, да... Сегодня, как только будет свободное время, – смеясь вторила бабушка.

– Я как чувствовала, я как чувствовала, – восторженно повторяла Хана.

– Ты моя умница ненаглядная, – ласково ворковала бабушка. И Хана, крепко обняв бабушку, прильнув горячей щекой к её щеке, неожиданно спросила:

– Ты меня не будешь ругать? Не будешь?

– Когда я тебя ругала? – сделала обиженное лицо бабушка.

И правда, чего это Хана сегодня задаёт неуместные вопросы? «Ведь я её никогда не ругала и даже голоса не повышала», – подумала она.

– Только что, часом раньше, я дала незнакомому мужчине номер для связи... Вот, – выдохнула Хана.

– Как? Неужели? Зачем тебе это понадобилось? – сделала бабушка испуганные глаза.

– Он мне понравился. Ну... до ужаса просто. У него такая улыбка! Мне захотелось ещё хоть один разочек увидеть эту улыбку. Я правда первый раз в жизни дала номер. Первый, первый!

– Вообще-то сама знаешь: первому встречному давать свой номер не стоит. Мало ли что, – бабушка укоризненно покачала головой.

– Он хороший. Он очень хороший! Я это чувствую сердцем. У него зелёный значок.

– Зелёный значок? – бабушка сдвинула брови. – Это что-то относящееся к лицам особого назначения. Хотя... Я никогда не придавала значения отличительным знакам, – растерянно закончила она.

– Да. Это так сложно, как изучение химии или планет. Ведь их бесчисленное множество.

– Согласна. В жизни приходится забивать голову совсем ненужной информацией. Тем более что в любой момент можно получить её, связавшись с информационным центром. Всё равно всего не упомнишь, – бабушка безнадежно махнула рукой. А Хана подумала, что она выглядит так замечательно благодаря своему умению выбрасывать лишнее из головы и поддерживать свою эмоциональную сферу положительными впечатлениями и информацией.

– Я вот сижу здесь одна в своём домике, вдали от этого «монстра», и вполне счастлива. В этот безумный город меня и пряником мятным не заманишь. Лишь бы твой дедушка

почаще приезжал.

– Работа у него такая. Все силы отдаёт. Работу любит больше всего на свете.

– Да, милая. Нейрохирургия – не шуточное дело. Да ещё на кафедре преподаёт, – вздохнула бабушка.

– Бабуль, а ты можешь иногда приезжать в нашу городскую квартиру? Дедушка был бы счастлив.

– Приезжаю, ты же знаешь, но больше суток не выдерживаю в нашей городской квартире. Умирать начинаю. Этот «монстр» не для моих слабых нервов. Там же дышать нечем.

После чая Светлана Ивановна принялась музицировать. Играла своего любимого Моцарта для внучки, а Хана сидела с ногами на диване и, вздрагивая от любого шума, продолжала думать о дедушке.

У дедушки были голубые глаза и красивые руки с тонкими пальцами. Руки пианиста. Дедушка прекрасно играл на рояле классическую музыку. Он любил Хану, заботился о ней, давал ей рекомендации, какие книги следует читать, покупал подарки.

Но дедушку в этот день Хана так и не дождалась. Тот сообщил, что случилась непредвиденная ситуация и ему придётся остаться в городе.

Начало смеркаться, и Светлана Ивановна проводила внучку на поезд. Завтра же рано вставать и ехать на занятия. Родители не любили, если Хана оставалась ночевать у бабушки на выходные и даже по праздникам.

Отчего он уснул? Не от аромата ли этих роскошных цветов? Хумов быстро поднялся из не успевшей завянуть растительности, оглянулся. Вместо того чтобы делом заниматься, он непростительно уснул, потеряв дорогое время. Пора продолжать исследование.

Заповедная зона таила в себе опасность, и ему надо определить, откуда и от кого эта опасность исходит. Люди, живущие неподалёку, часто болели и раньше умирали.

Хумов около часа продирался сквозь заросли, ловко орудуя запасливо прихваченным топориком. Когда из-под его ног юркнул облезлый заяц неожиданно крупного размера, чуть ли не с собаку породы бельгийский гриффон, он понял бессмысленность своего занятия: не протаранить ему насквозь эту зону. Да и зачем? И так ясно: чаща непролазная. Он сплюнул от бессилия и повернул обратно, надеясь обнаружить более разреженный участок местности. Неожиданно слева послышался треск, сопение и громкое хлюпанье. Через мгновение Хумов обнаружил себя на ветке дерева с оружием в руке. Хорошо их тренировали, а он был одним из лучших.

Пять существ, иначе их не назовёшь, одно за другим прошли, издавая непонятные звуки. Были они огромного размера и покрыты рыжей шерстью. Настоящие йети. Остановившись под деревом, они закурили большими лохматыми го-

ловами и разом наклонились, по всей видимости, ища следы. Один даже встал на четвереньки и начал нюхать, раздувая и без того широкие ноздри, после чего замотал головой и издал глухие утробные звуки. Остальные примирительно закивали в ответ. Затем все пятеро стали смотреть вверх. Хумов замер, прижавшись к стволу. Дерево было ветвистое, и густая листва отлично скрывала его. По инструкции ему не положено было нападать на безоружных, если те не угрожали его жизни. Лохматые существа тревожно оглянулись и, делая только им понятные знаки, торопливо двинулись в глубь леса.

Он хотел было уже спуститься с дерева, как увидел десять человек в защитных костюмах, которые шли быстро, гуськом, похоже, следуя за недавно прошедшими существами. «Странно. В этой зоне много непонятного. Что ещё мне предстоит здесь увидеть?» – подумал Хумов.

Он успел снять и тех и других. А так вряд ли ему кто поверил бы, хотя, кроме определённых лиц, об этом никто знать не должен. Пора двигаться дальше. И тут странный шелест привлёк его внимание и заставил остаться в своём убежище, замерев от неожиданности.

Внизу стеной шли тараканы размером с цыплёнка. Их коричневые спины переливались и казались искусно сделанными доспехами. От соприкосновений с травой, листьями и друг с другом помимо шелестящего шума возникал неприятный звук скрежета, переходящий в попискивание. Вся эта

масса двигалась в том же направлении, в котором прошли люди и огромные существа.

У Хумова возникла мысль проверить уровень радиации, что он немедленно и проделал. И не поверил своим глазам. Стрелка значительно отклонилась от нормы, предупреждая об опасности пребывания на этом отрезке местности прерывистым писком.

«Вот в чём дело, вот в чём дело», – забормотал он, решительно повернув назад. Дальше он не пойдёт, говорят же: бережёного и Бог бережёт.

Он быстро шёл. Нет! Однозначно, дальше он не пойдёт. Можно подумать, когда его отправляли, не знали об этой опасности. Он готов на любые неожиданности, только не на радиационное облучение. Знали. Конечно, знали. Не он первый оказался здесь. Эти люди в защитных костюмах серьёзно занимаются изучением зоны. А он? Для чего он здесь? Схватить сильную дозу радиации?

Их группу готовили тщательно. Отбирали ещё тщательнее. Им внушали, что они не просто люди, а необычные, уникальные люди. Им не следует ничего и никого бояться. Кто-то там наверху, по всей видимости, зачитывался Ницше.

Хумов был лучшим, и он далеко не первый, попавший сюда, в эту опасную зону – Z-4, заповедник, недоступный для обычных людей, находящийся за высокой бетонной стеной, покрытой прутьями под током высокого напряжения. Никто не сунется. А он, Хумов, свободно прошёл со своим зелёным

знаком под номером 232.

Когда стрелка успокоилась на отметке, несколько превышающей норму, он достал компьютер и вызвал карту местности. Всё правильно: зона Z-4 осталась позади. Ему предписано обследовать ещё две, но сначала он должен доложить о ситуации на этом участке.

На экране запрыгали буквы, и голос сообщил: информация по зоне Z-4 строго засекречена. Введите, пожалуйста, пароль. «Пароль, блин! – Хумов сдвинул брови. – Засекречена. Каждому понятно: здесь произошла авария или производились захоронения радиоактивных твёрдых отходов, таких как кобальт-60, цезий-137, стронций-90 и прочее. Небрежное захоронение, утечка – и отравление на тысячу лет. Ещё бы люди не болели! Но почему в наш век, век высоких технологий, в век медицины, творящей чудеса, из этого делается секрет?» – думал Хумов, быстро читая информацию из Википедии, используя большой придорожный камень для проекции с электронного носителя:

- При аварии на Южном Урале в 1957 году произошёл тепловой взрыв хранилища радиоактивных отходов, в результате которого в атмосферу поступили радионуклиды с суммарной активностью 74 ПБк, в том числе 0,2 ПБк цезий-137.
- При аварии на реакторе в Уиндскейле в Великобритании в 1957 году произошёл выброс 12 ПБк радионуклидов, из них 46 ТБк цезия-137.
- Технологический сброс радиоактивных отходов пред-

приятия «Маяк» на Южном Урале в реку Течу в 1950 году составил 102 ПБк, в том числе цезий-137 12,4 ПБк.

- Ветровой вынос радионуклидов из поймы озера Карачай на Южном Урале в 1967 году составил 30 ТБк. На долю цезия-137 пришлось 0,4 ТБк.

- В целях глубинного зондирования земной коры по заказу Министерства геологии произведён подземный ядерный взрыв 19 сентября 1971 года около деревни Галкино в Ивановской области. На 18-й минуте после взрыва в метре от скважины с зарядом образовался фонтан из воды и грязи. В настоящее время мощность излучения составляет порядка 3 тысяч микрорентген в час, изотопы цезий-137 и стронций-90 продолжают выходить на поверхность.

- В 1986 году во время аварии на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) из разрушенного реактора было выброшено 1850 ПБк радионуклидов, при этом на долю радиоактивного цезия пришлось 270 ПБк. Распространение радионуклидов приняло планетарные масштабы. На Украине, в Белоруссии и Центральном экономическом районе Российской Федерации выпало более половины от общего количества радионуклидов, осевших на территории СНГ. Среднегодовая концентрация цезия-137 в приземном слое воздуха на территории СССР в 1986 году повысилась до уровня 1963 года (в 1963 году наблюдалось повышение концентрации радиоцезия в результате проведения серии атмосферных ядерных взрывов в 1961-1962 годах).

- В 2011 году во время аварии на АЭС Фукусима-1 из разрушенного реактора было выброшено значительное количество цезия-137 (агентство по атомной безопасности считает, что выброс радиоактивного цезия-137 из трёх реакторов составил 770 ПБк, оценки ТЕРСО в два раза ниже). Распространение в основном происходит через воды Тихого океана.

Зона Z-4 не была зафиксирована в Википедии. Опять же, почему? Сейчас необходимо принять меры по деактивации. Выйдя по указанию компьютера к речке, Хумов разделся, сложил свою одежду в свинцово-алюминиевый пакет, запаял и спрятал в вырытую яму. К этому временному хранилищу он вернётся, заберёт опасный мешок и отправит по назначению. Но это будет чуть позже. А пока он занёс точные координаты и тут же отправил для верности на сайт деактивации и на всякий случай продублировал на Облако.

После чего голым вошёл в холодную воду, поплавал и понырял в своё удовольствие. Вода была тёмно-коричневого цвета от многочисленных водорослей и примесей породы, содержащей железо.

Выйдя из речки, Хумов обсох на солнышке, затем достал из рюкзака тонкий пакетик, вскрыл, вынул новую униформу, которая, надувшись, приняла объём, облачился в неё. У него оставалось ещё пять неиспользованных комплектов одежды. Теперь наружно он очистился от радиации. Не повезёт «грязь» в город. Для вывода из организма опасной до-

зы Хумов заглотил красную пилюлю. Теперь можно возвращаться.

Но что-то ему мешало. Лёгкая тревога расплзлась от области сердца, завладевая мыслями. Правильно ли он действовал? Его тянуло подняться вверх по течению этой живописной речушки. Взглянув на секретную карту, он обнаружил закрытую территорию и, хотя ему не было предписано её обследовать, решительно зашагал по выбранному направлению: сработало элементарное мальчишеское любопытство. Ведь ему совсем недавно стукнуло всего-то восемнадцать.

Хумов шагал бодро, весело улыбаясь. Ему не терпелось обследовать зону под грифом строгой секретности. О возможных неприятных последствиях он не думал. Вокруг царило спокойствие, в котором протекала вполне привычная жизнь загородного леса. Умиротворяющая перекличка птиц, шорохи жителей леса, стук дятла по коре дерева, синее небо, тёплый, свежий воздух. Слева поблескивала на солнце река. Временами от переизбытка сил молодой человек принимался бежать и даже, как в детстве, подпрыгивать. Ощущение свободы захлестнуло его полностью, вызывая улыбку, зажигающую счастливым блеском глаза.

И тут надо же! Послышался сигнал из его часов. Хумов остановился, включил связь, подставил ладошку. На ней появилось изображение дежурного, сообщившего ему о приказе незамедлительно вернуться во второе управление для отчёта. «Но мне необходимо обследовать ещё две зоны», –

спохватился Хумов. Но дежурный, не повышая голоса, повторил: «Вам приказано незамедлительно вернуться».

Начальник второго подразделения Смаков Виктор Арнольдович заканчивал ужин при свечах. Его любимая собака – породистая овчарка с отличной родословной лежала у его ног, положив голову на лапы, и смотрела умными преданными глазами, следя за каждым движением своего хозяина, готовая в любое мгновение повиноваться любому приказу или предупредить оный.

Сын, тощий бледный юноша, вяловато ковырял вилкой подгоревший стейк, скучающим взглядом блуждая по лицам родителей: от одного к другой.

– Марк, – слабым голосом окликнула его мать, – если будешь так есть, никогда не поправишься и не избавишься от прыщей.

– Оставь его, Лира. Он явно переутомлён. Избыток информации, экология и тому подобное.

– Я все понимаю, но растущий организм должен получать полноценное питание.

– Да, конечно. Ты права. Не каждый имеет возможность получать естественное питание. Надо ценить.

– Я ценю. И вообще. Мне через месяц восемнадцать. И я горжусь этим.

– Ох, как быстро время летит. Уже восемнадцать. Поверить не могу. Моему сыну скоро восемнадцать.

– Чем старше, тем оно летит быстрее. Ласточкой стремится вдаль, увлекая за собою. А я не хочу этой стремительной быстроты. Вот и мне уже под сорок, – Лира выжидательным взглядом посмотрела на мужа, надеясь на комплимент.

– Мам, ты выглядишь потрясающе! Никто не даст тебе больше двадцати.

– Так уж двадцати.

– Ну хорошо. Чуть больше двадцати пяти.

– Спасибо, сынок. Только твой отец так не думает.

– Я вообще-то считаю – тебе не больше пяти, ну от силы двенадцати лет.

– Тебе, мой дорогой, свойственно пошутить, но я склонна наполовину поверить, и только чтобы сделать тебе приятное, – с некоторым едва уловимым раздражением в голосе произнесла Лира.

– Как дела в колледже? – задал вопрос Виктор Арнольдovich, не обращая внимания на некоторое раздражение в голосе жены.

– Дела? Всё едино – обучают. Вот есть у нас такая Хана...

– Хана? И что? – встревожилась мать.

– Да так. Одна девчонка.

– Говори, если начал, – заинтересовался отец.

– Так. Ничего особенного. Она сегодня снова слиняла с занятий.

– А я подумала... Только и всего? – успокоилась мать.

– Ей можно, – мечтательно вздохнул Марк, – а мне раз и

навсегда запрещено.

– А тебе запрещено. Не подводи отца. Хорошо будет твой отец, когда его за тебя полоскать начнут по всем статьям. Ты должен держать марку, – Мать нервно постучала вилкой по стакану.

– Марк должен держать марку. Разумеется, имя обязывает. А я что? Я – ничего... Держу. Стараюсь держать эту самую, как её... Марку.

– А сладкое?

– Спасибо. Неохота.

– Снова всю ночь будешь болтаться по Интернету? – строго спросил отец.

– Не-а. Я так. Слегка. И потом, я же и задание выполняю по предметам.

– Два часа на занятия – и спать. И никаких возражений, – пригрозил пальцем Виктор Арнольдович.

– Сынок, у тебя идёт перегрузка. Доктор сказал, что тебе необходимо выспаться, – умоляюще посмотрела на сына Лира.

– Я знаю. Спасибо, пап. Спасибо, мам, – Марк по очереди поцеловал родителей и неуверенной походкой вышел из столовой.

Смаков посмотрел на собаку. Та тут же встала, завиляла хвостом, издала скулящие звуки.

– Что нового, Лира? – спросил спокойно Виктор Арнольдович, принимаясь за десерт.

– Была сегодня у мамы. Приболела она, – сокрушённо вздохнув, ответила жена.

– Что с ней?

– Непонятно. Слабость сильная.

– Отвези ей фруктов. У нас всё равно пропадают.

– Спасибо. Отвезла.

– Валерия Степановича к ней пригласить? Известнейший светило. Пусть поставит диагноз.

– Он же нейрохирург, – удивилась жена.

– Наев прежде всего замечательный врач. Все верхи у него консультируются.

– Хорошо. Пригласи, если ей лучше не станет.

– Ей же ещё и восьмидесяти нет. При наших достижениях, наших технологиях, нашей медицине... – Смаков запнулся. Что-то не тот набор фраз из него полез. Чиновничий.

– Да-да. – согласно закивала жена. – Продолжительность жизни неуклонно растёт. В наш век высоких технологий, в век беспрецедентного освоения космоса, – она поперхнулась и закашлялась.

– Ударить по спине?

– Нет. Нет. Сейчас пройдёт. Спасибо, дорогой. Не надо. Сейчас. Уф! – уронила голову в руки. – Устала я.

– Отчего? Не работаешь, дома сидишь. Всем обеспечена. Отчего ты устала?

– От этого и устала. От монотонности и скуки, – сделав скорбное выражение, Лира отпила из бокала немного яблоч-

ного сока.

– Поискать тебе работу? – муж тоже отпил глоток сока.

– Я так давно не ходила на работу, что даже и не знаю. – пожалала плечами Лира.

– Почему бы тебе не вернуться к занятиям живописью?

– Кому это надо? Сейчас это не пользуется спросом. Любой с помощью программы может изобразить такое!

– Но это не является искусством в подлинном смысле этого слова. Искусство творит человек.

– Вот-вот. Сотворили чудо машины. И музыку за нас пишут, и стихи, и картины. Всё, что угодно.

– Это не исключает возможности заниматься творчеством и нам. Даже наоборот. Машина не может создавать новое, а человек вполне и достаточно многочисленно.

– Только и осталось, что искусство прошлых времён. И не спорь со мной! – повысила Лира голос, утирая салфеткой слезу.

– Я и не спорю. Так. Выражаю своё мнение. Займись основательно английским, – занервничал Виктор Арнольдович, не выносивший женских истерик.

– Мне этот английский негде применить. Я ни с кем не общаюсь. Мне не интересны разговоры ни о чём с моими бывшими однокурсниками. Да и время не то. Сам знаешь. Каждый сам по себе. Замкнулись в своих семьях, своих мирках.

– Вернись на курсы китайского. Изучая языки, мы тренируем мозг, отодвигая тем самым старость.

– Хорошо. Вернусь. Устала я почему-то, – Лира снова тяжело вдохнула.

– Марк закончит занятия, отправлю вас на Карибские острова. Пальмы, океан, песочек. Вспомни, как мы отдыхали, – Смаков закрыл глаза и, улыбаясь, откинул голову на спинку стула.

– Да. Хорошо было...

– Что значит хорошо? Замечательно! Просто замечательно!

– Да. Замечательно, – кивнула жена, не желая тратить энергию на никчёмный спор.

– Да и мне не мешало бы отдохнуть. Спасибо за ужин. Выйду погулять с собакой.

Смаков поднялся со стула, и тут же вскочил Чарли, радостно завилял хвостом, передними лапами упёрся хозяину в грудь и лизнул его в щёку.

– Ну-ну. Давай без телячьих нежностей, – заулыбался Виктор Арнольдович в предвкушении приятной прогулки, но тут заявил о себе сигнал связи, и ему пришлось прикоснуться к устройству на левой руке.

На скатерти появилось изображение мужчины, который сообщил монотонным голосом: «Испытуемый 232 неожиданно исчез из поля наблюдения».

– Как исчез? Быть не может! При всём снаряжении? Явлюсь немедленно. Чарли, сидеть дома! Погуляй, пожалуйста, с собакой, – бросил он на ходу жене, поспешно выходя из

КОМНАТЫ.

Хумов вошёл в узенькую комнату с низким потолком, за единственным столом которой сидел тощий человек в коричневом костюме и с постным выражением лица, имеющий прозвище Малёк по причине его фамилии – Малкин.

– Проходите, проходите. Присаживайтесь, – в глазах человека мелькнуло нечто похожее на интерес и сразу скрылось за обычной служебной непроницаемой маской. – Вы были направлены в зону... Мм-мм.

– В зону Z-4, – отчеканил Хумов.

– Да. В зону Z-4. Ваши выводы. Прошу кратко и по делу.

Хумов замялся. Ваши выводы. О выводах он не успел подумать. Почему сразу выводы? Он разве знает, что происходит там?

– Итак. Прошу вас, – Малёк глянул себе под ноги. – Ваша версия, Хумов? Пожалуйста, не смущайтесь. Говорите, как есть. Для этого вас и отправляли.

– Самое существенное, что мне удалось выяснить: зона Z-4 заражена радиацией.

– Что предлагаете?

– Предлагаю исследовать, найти причину. В первую очередь закрыть проезд загородных поездов. Срочно эвакуировать людей с близлежащих территорий.

– Так, так... В какие цифры это выльется?

– При чём здесь цифры? На карте стоит безопасность людей.

– Вы затрудняетесь назвать сумму? В наш сложный век, когда нам приходится осваивать другие планеты, когда естественные запасы Земли истощились и мы вынуждены изыскивать всё новые и новые технические возможности для поддержания жизни, вы предлагаете урезать бюджет на столь значительную сумму? Не мне вам объяснять, в каких чудовищно сложных условиях мы вынуждены существовать. При том что популяция неуклонно растёт. Соответственно, мы вынуждены отправлять людей в тяжелейшие условия на Марс со слабой надеждой для близких когда-нибудь увидеть их. Не заставляйте меня читать лекцию для первого курса. Какую бы цифру вы ни назвали, этого всё равно будет недостаточно.

Хумов понял, что он проваливается, и понял также, чего ждёт от него этот сухонький начальник. Он уже был готов поддаться, ответить так, как тот ждёт, но тут перед ним мелькнуло хохочущее лицо в шапке волос цвета одуванчика, и Хумов, неожиданно для себя, вопреки длительным тренировкам на чутьё не своим голосом произнёс:

– Необходимо произвести работы согласно пункту № 8, параграф № 12 – случай чрезвычайного положения для здоровья и выживания людей.

– Так. Вы свободны. Можете идти, – экзаменатор кисло улыбнулся, отвёл взгляд в сторону зашторенного окна, осе-

дая в своём кресле, становясь ещё мельче.

«Провалил. Окончательно и бесповоротно провалил», – подумал Хумов, выходя из кабинета.

Смеркалось. Кое-где зажглись огни. Он посмотрел на небо. Тёмная туча медленно расплзалась, не давая проникать свету от заходящего солнца. На всякий случай, подходя, Хумов включил улавливатель звуков. «Теперь можно и поужинать», – подумал он и сел на металлическую скамейку. И вдруг услышал: «Этого. Да, Хумов. Именной № 232».

«Хорошо, что утром я предусмотрительно опустил два брикета сразу», – похвалил себя Хумов, спокойно допивая густую жидкость, прожёвывая с наслаждением попадающие частицы овощей, мяса, риса. К нему подошли двое в коричневых комбинезонах. Один – повыше – спросил:

– Хумов?

– Да. Хумов.

– № 232?

– Верно.

– Нам приказано вас доставить к Голунову.

– Одну минутку, – дружелюбно произнёс Хумов, кивнул на термос и улыбнулся. Улыбка произвела соответствующее впечатление, сделав своё дело. Двое подошедших, переглянувшись, несколько расслабились и невольно улыбнулись в ответ. Хумов аккуратно закрутил пробочку, уложил термос в рюкзак, лежащий на скамейке, и, медленно развернувшись,

молниеносными ударами вырубил обоих по крайней мере на полчаса.

Хумов вскочил в вагон скоростного поезда. Он не сомневался в том, что его ищут, поэтому о возвращении в своё обиталище думать не приходилось. Голова была ясной. Мозг работал с повышенной скоростью, передавая сигналы тревоги телу, которое напрягалось в ответ, готовясь в любую секунду совершить активное действие, и ему приходилось усилием воли сдерживать желание встать и выйти на ближайшей остановке. И бежать куда глаза глядят до тех пор, пока усталость не свалит с ног и сон не спасёт его от испытываемого стресса. Ему пришлось принять расслабляющую позу и погрузить себя в отрешённое состояние с помощью определённых дыхательных упражнений и концентрации внимания на воображаемой горной вершине. Он покружил над ней орлом, осматривая с высоты скалы, мелкий кустарник, пасущихся диких коз, водопад, простирающиеся у подножия луга, птиц, перелетающих стайками с дерева на дерево, пчёл, собирающих нектар, кружащихся и застывающих на месте стрекоз, божьих коровок, совершающих свой медленный путь по листьям и стеблям растений, расправляющих свои тончайшие крылышки и совершающих неторопливый полёт, разновидности полевых цветов – от ромашки до иван-чая. Взгляд его задержался на васильковом поле, насладился яркостью голубого цвета, и он открыл глаза, испы-

тывая полное равновесие и спокойствие, переходящее в бесстрашие.

Поезд остановился. Быстро, не оглядываясь и не глядя по сторонам, он, минуя вокзал, устремился по знакомой улице в противоположном направлении от своего казённого жилища. В темноте он ещё может оставаться незамеченным, но завтра при свете дня его проще простого будет схватить. Проходя через привокзальную площадь с подсвеченным обелиском в центре, он обратил внимание на то, что его значок с номером 232 начал пульсировать, и тут же зашёл в первый попавшийся бар.

Народу было немного, да и те сидели, уткнувшись в свои электронные устройства. Два парня в вечерних комбинезонах, отделанных бархатом и золотистой витой тесьмой, в увесистых очках, снабжённых устройством, для просмотра в трёхмерном изображении фильмов, музыкальных клипов и картинок, откинувшись на креслах, кайфовали, подёргиваясь тощими телами в такт неслышимой для других музыки. В баре царила спокойная атмосфера свободы. На него никто не обратил внимания.

Хумов прошёл в мужскую комнату, закрыл за собой дверь, вырезал светящийся № 232 и опустил его в сливной бачок. Пусть теперь ищут до посинения. Из рюкзака достал маскировочный комбинезон синего цвета, который на теле надулся, превратив его в качка с широченными плечами, тонкой талией и выпирающей рельефной мускулатурой. Надел бело-

курый парик с длинными до плеч волосами, с синей лентой, идущей посередине лба, и, глянув на себя в зеркало, остался доволен своим видом. Через семь минут он беспрепятственно вышел на улицу. Фонари горели ярче. Пешеходы попадались редко. Это был час после возвращения с работы, и большинство сидели по своим квартирам за вечерней трапезой.

Хумов подошёл к реке, напоминающей огромную рыбу, стиснутую гранитными берегами, величаво стремящую свои воды, отражающую разноцветные огни большого города. Он достал из заплечного мешка комбинезон и пустил на воду. Река – его спасение. Скоро застрекочут вертолёты, завоюют сиренами машины, будя уставших горожан, пугая прохожих, а ему надо успеть найти место, где можно будет спрятаться. Тёмная, тяжёлая рябь воды медленно уносила его служебную одежду.

И тут Хумов вспомнил о девушке, встреченной им утром в пригородном поезде. Её карточка с номером телефона уплывала вниз по течению. Хана – его единственная связь с этим огромным и теперь уже враждебным городом. Чем может помочь ему эта девушка, этот чистый, наивный подросток, и вправе ли он – сильный, тренированный парень, готовящийся к полёту на Марс в качестве спасателя, подвергнуть её опасности, связавшись с ней и бросив клич о помощи? И всё же...

Оглянувшись и удостоверившись, что никого поблизости нет, он сбросил костюм и поплыл, преодолевая обжигаю-

щий холод воды, ставя себе большой жирный минус за свою непредусмотрительность. Хорошо ещё река не успела отнестись спецодежду далеко, и он, ловко подхватив левой рукой ткань, поплыл обратно. Выскочив из воды, Хумов раскрыл молнию на одном из многочисленных карманов, достал тоненькую пластиковую карточку и шарик с прекрасной женщиной внутри, с облегчением вздохнул, скатал одежду валиком и забросил её как можно дальше, наблюдая за тем, как тот поплыл снова, но уже быстрее, сильно погрузившись в воду. Едва он успел одеться, подпрыгивая от озноба, как услышал вой сирены и стрекот вертолётов.

Почему они начали на него облаву? Они, ставшие преследователями, они, отринувшие его от себя, они, сделавшие его из своего – чужим?

Хумов метнулся от реки в проём между домами, вжался в холод каменной арки, ведущей в полутёмный двор. Сейчас, сейчас его схватят, совершат что-то непоправимое, и он потеряет свободу. Хумов бросился было к дверям, перебегая от одной к другой, но они все до единой оказались на кодовых замках. Что делать? Куда спрятаться? Скоро они начнут прочёсывать улицу за улицей, дом за домом, и так весь район. Он сам участвовал в подобной операции по поимке одного бандита. Он знает: от спецотрядов не скрыться. Мысль работала лихорадочно, с невероятной скоростью. Пальцы рук дрожали, сердце колотилось во всей широте груди. Вот она, живая ситуация предельной опасности. Их игровые тренин-

ги – ничто по сравнению с правдой жизни. Там всегда присутствовала мысль, что это всего лишь игра, хотя случались и крутые положения.

Его взгляд остановился на поблескивающей крышке люка. Он вспомнил вопрос на одном из зачётов: почему крышки люков круглые? Удобнее в них залезать при надобности, ответил один из ребят. Ответ оказался неверным, и все смеялись. А парень был прав. Очень удобно нырнуть в круглый проём люка. Это шанс. Другого выхода в данной ситуации не предвидится.

Хумов достал из мешка топорик, ловко поддел крышку, отодвинул в сторону, спустился и осторожно, бесшумно вернул её на место. И тут же услышал шум въезжающей во двор машины, топот ног, голоса переговаривающихся:

– Пусто. Никого.

– Хорошо смотрите.

– Двери на замках.

– Не мог он проскользнуть в одну из дверей с жильцом?

– У него на это не было времени.

– И здесь его нет.

– Всё осмотрели?

– Всё. Пусто.

– Да. Никого.

– В машину. Следующий двор.

Хумов облегчённо вздохнул и, подождав, пока не затихнет шум от мотора, достал визитку. Часы на его руке высветили

номер, и он решил связаться с Ханой.

– Говорите, – услышал он сонный голос, и его сердце отреагировало тёплым толчком и секундным падением в сторону солнечного сплетения.

– Здравствуйте. Это я, Хумов. Вы мне сегодня в поезде дали свой номер для связи.

– Это вы? Как здорово! Вот не ожидала, что вы так скоро свяжетесь со мной. Я совсем недавно вернулась от бабушки. Ой, как я рада! Просто очень!

– Мне нужна ваша помощь.

– Что случилось? Чем я могу вам помочь?

– Для начала мне нужно укрытие на одну ночь, а там будет видно.

– Вас ищут? Вы совершили геройский поступок? Спасли кого-то, и вам грозит наказание? Да. Иначе и быть не может. Вы не способны сделать ничего дурного. Рассказывайте быстрее, как было дело.

– Можно при встрече?

– Ой! Что это я? Вам грозит опасность, а я... Адрес на визитке. Моё окно на втором этаже прямо над входной дверью. Забраться совсем просто. Даже для меня. Только тихо! Не разбудите родителей. Жду. Как интересно... Детектив какой-то. Самый настоящий детектив. Так захватывающе! Жду. Пока.

Через два часа двадцать две минуты Хумов стоял перед парадной двухэтажного особняка на одной из фешенебель-

ных улиц города. Хана предусмотрительно оставила окно полуоткрытым, и ему не составило большого труда подтянуться, залезть на козырёк, а затем бесшумно юркнуть прямо в комнату Ханы, которая крепко спала, намаявшись за нелёгкий, насыщенный необыкновенными событиями и сильными эмоциями день, обнимая большого плюшевого медведя. «Совсем ещё ребёнок», – с нежностью, доселе неведомой, подумал он, рассматривая предметы, теряющие чёткость очертаний в полумраке, назначение которых было не вполне ему понятно, так как он привык обходиться минимумом.

Освоившись, молодой человек достал из рюкзака пластиковый пакетик и через минуту у него появился надувной походный матрас и подушка. Теперь пора и поспать. Часы показывали два часа пятнадцать минут.

Хумов с удовольствием растянулся на походном ложе за дверью, решив, что, если дверь откроют, его могут и не заметить в темноте. Расслабление он произвёл по одной из коротких систем, после чего погрузился в сон глубокий, но в то же время и чуткий, и когда Хана поворачивалась во сне, он тут же открывал глаза и, проверив, что всё спокойно, снова засыпал. Нужно хорошенько выспаться, не зацкливаясь на случившемся. Утро вечера мудренее.

Профессор Валерий Степанович Наев в который раз обманул ожидания своей дорогой супруги Светланы Ивановны, любовно приготовившей к ужину салат из лука, выращиваемого ею на грядке загородного дома. Профессор созвонился с ней и долго извинялся, сообщив о непредвиденной срочной работе. Светлана Ивановна сокрушённо вдыхала, стараясь скрыть разочарование. «Ну будет тебе. Ты же у меня умница. Всегда понимала. Ты же знаешь, как я рвусь к тебе», – пытался успокоить жену Наев, обладавший невероятной чуткостью и на расстоянии улавливать настроение жены. Светлана Ивановна продолжала сокрушаться:

– Хорошо хоть Ханочка вчера навестила, а то бы целый день была одна, как сегодня. Ты вот вчера обещал и не смог. Сегодня я тебя жду, не дождусь.

– Ханочка? – профессор улыбнулся, и голос его стал еще мягче.

– Она опоздала на занятия.

– Ты, надеюсь, не ругала её, а то, не дай бог, сделаешь срыв нервной системы. В наше время у каждого второго срыв. Психические заболевания вышли на первое место в мире. Надо быть предельно внимательными и осторожными в общении. Обязательно поговорю с преподавателем.

– Ой, только не это! Хана очень хорошо отзывается о педа-

гогах. А попросили оставить класс из-за её очередного опоздания, но вежливо, с улыбкой. Воспитание во благо воспитуемых. Только и всего. Хане скоро восемнадцать. Пора серьёзнее относиться к обязанностям.

– Да нет, она пока совсем ребёнок. – Валерий Степанович даже утвердительно кивнул головой в знак своей полной уверенности в том, что его внучке ещё далеко до совершеннолетия, настолько она невинна, наивна, чиста душой.

– Конечно, ребёнок! Сегодня отличная связь: трёхмерная. Я могу даже прикоснуться к тебе, – и Светлана Ивановна нежно погладила мужа по щеке, слегка заросшей щетиной, а муж прикоснулся губами к её руке.

– Вот видишь. Тебе не одиноко. До встречи.

Едва закончилась телепортвидеосвязь, которую себе пока могли позволить немногие по причине дороговизны, как Навев получил сообщение, что он может отдыхать, а его разбудят, когда в этом будет необходимость.

Профессор, минуя лабораторию, прошёл в операционную. Там его ожидали два врача и три медсестры. Их тоже вызвали для внеочередной операции. «Временный отбой. Рекомендую всем поспать», – сказал он сухо, и, как только он вышел, его коллеги, не говоря ни слова, последовали за ним.

В индивидуальной комнате для отдыха он быстро откинул кровать и, не раздеваясь, вытянулся во весь свой немалый рост.

Не то что он испытывал дискомфорт, он привык к по-

добным вызовам на дежурства, просто его начинала раздражать нечёткость действий. Вот и сегодня ему пришлось разочаровать жену. Вчера – то же самое. А ведь вчера он смог бы встретиться со своей любимой внучкой, приехавшей, как всегда, неожиданно к бабушке.

Его вызвали на незапланированное дежурство пять часов назад, в то время как он собирался свернуть на своём автолётё к загородному дому.

Нет. Так не годится. Ему нужно срочно подготовить хотя бы одного ассистента для замены, а самому максимально освободиться. Почему он всё берёт на себя? Почему доверяет только себе и считает своё присутствие обязательным? Но ведь на карту ставится жизнь человека, а Бог создал его таким невероятно хрупким и нежным. Мозг координирует все функции организма, создавая конечный продукт своей жизнедеятельности – психику. А психическая субстанция бесконечно разнообразна, индивидуальна и неуловима, как и сама душа.

Одно время, когда он ещё учился в университете, Наев думал, что психика тесно связана с понятием «душа» и что, возможно, она и есть душа. И если душа бессмертна, то глупо отрицать Создателя. Хотя в то время он и был материалистом, но это не мешало ему рассматривать явления с разных сторон. Ещё бы! Насмотришься в морге на выворачиваемые внутренности, поймёшь, что жизнь – божественное чудо, а также поймёшь уникальность каждого живого существа не

то что человека.

Тогда уже появилась возможность чётко видеть, не как раньше, все структуры организмов животных и человека, сканирование которых давало возможность производить раннюю диагностику любого заболевания и предотвращать его развитие.

Позднее он начал думать по-другому: тело телом, а без психики, то бишь души, оно только мышцы, кости, органы и всё остальное. Его больше всего интересовал мозг. Раскрыть это уникальное явление – и откроется путь к Богу.

Человек не может осилить программу, которую сам создаёт, но достиг большого успеха к приближению мыслительной деятельности компьютеров. Сейчас каждый может при желании купить себе робота, и не одного. Вернее, почти каждый. Только не люди старой закваски. Наев принципиально не хотел заводить у себя в доме подобное техническое устройство. С ним нужно общаться, как с человеком. Нет, даже больше, намного большего общения требует обычный робот. Пока робот не отключён, он постоянно что-то делает, спрашивает, даёт советы и тому подобное. В общем – отвлекает, не даёт возможности сосредоточиться. Он своего первого робота Джона назвал металлическим болваном и с радостью подарил своему приятелю Смакову. И не удивился, что тот вскоре сплавил Джона своей теще. Та оказалась более терпеливой в ожидании очередной услуги неутомимого слуги. В то время происходил очередной технико-модернистский бум, вызван-

ный потребностью в большом количестве жилья, строящегося по самым современным дизайнерским разработкам со всевозможными наворотами. Наев, не любивший перемен, так и остался жить в своём доме с уже устаревшими компьютерными программами, доме, перешедшем по наследству от родителей. Светлана Ивановна большую часть времени жила в их загородном коттедже.

Быстрый рост народонаселения скоро лишит роскоши занимать пусть и маленькие, но отдельные дома. Наева и его семью пока не трогали по причине его высочайшей квалификации и мировой известности. Валерий Степанович тяжело вздохнул, представив свою жизнь после выхода на пенсию. Ведь тогда он не будет настолько необходимым, и им с женой придётся занять совсем маленькую секцию в одном из многочисленных домов нового образца. Человечество приближалось к способу муравьиной выживаемости. Доступнее всего оказался Марс, и молодёжь устремила свои мечты на его покорение.

Европейцы активно ассимилировались китайцами, индийцами, афроамериканцами. Правда, оставались островки сопротивленцев, отстаивающих право поддерживать свою расовую принадлежность, как он, Наев, не желающий своих внуков и правнуков представлять с другим цветом кожи. Поэтому и остерегался за внучку, поэтому и внушения делал.

Какое будущее ждёт Хану? При этой мысли Наев перевернулся на правый бок. Он давно заметил её склонность к

писательской деятельности и как-то сказал, что это может стать для неё профессией в будущем. Но внучка возразила, что писателей и поэтов становится с каждым днём всё больше и пишущих считают уже не на миллионы, а на миллиарды – сетевое общение развивает способность людей писать с невероятной быстротой, и она лишь одна из многих. Тем более что при помощи компьютерной программы можно легко и быстро составить, «написать» блестящее произведение, тягаться с которым практически невозможно. Сейчас люди пишут для своего удовольствия и читают друг друга, объединяясь в различные кружки, клубы, родовые сообщества.

Нет, Хана в душе романтик. Она мечтает полететь на Марс. О Господи! Что она там будет делать? Наев перевернулся на спину. Туда летят от безвыходности те, кто не видит возможности достойной жизни здесь, на этой красавице-Земле. Роботы занимают рабочие места, и безработица не прекращает свой рост. Предотвращать террористические акты становится всё труднее и труднее, и встаёт вопрос о контроле над каждым. В этом плане происходит сильное продвижение. Но об этом массы не знают. Иначе были бы демонстрации, бунты, акции протеста. Наев перевернулся на спину, взглянул на часы. Пять часов двадцать минут. Светает. Валерию Степановичу так и не удалось уснуть в эту ночь.

– Ни один человек не в состоянии приспособить общество для себя, то есть изменить среду обитания таким образом, как того требуют его убеждения, потребности, представления. Поэтому многие с радостью улетают на Марс, надеясь там построить более приемлемую для себя жизнь.

Человек, рождаясь, приходит в уже существующий, сложившийся миропорядок, как правило, с трудом приспособляемый к его индивидуальности; вернее, пришедший в эту жизнь с первых шагов начинает приспособляться к окружающей действительности. Его мозг впитывает, как губка, чувственные раздражители и словесные понятия. Ребёнок учится у взрослых, осознавая не только явное, но и ускользающее, скрытое, скрывающееся, оказывающееся часто более правдивым. Таким образом проявляются видовые биологические инструменты приспособления. Чем дальше развивается человечество, тем изощрённее работает природа, измышляя возможности выживания.

Мы не успеваем понять, поспевает ли наша природа, наша психика за темпами технического развития. Замечено, что психика изменяется странным и непонятным образом. Непонятным – потому что никто не может сказать с уверенностью, каким окажется человек и, следовательно, человечество в обозримом будущем. Замечено также, что мы всё

больше и больше погружаемся в воображаемый мир, уходим в мир иллюзий. Теряется адекватность реакции. Но это отдельный и большой разговор. Итак, мы говорили о человеке и его приспособляемости, адаптации к среде обитания, меняющейся с удивительной, непредвиденной быстротой. Человек не становится лучше, соответственно и общество тоже. Ты, надеюсь, понимаешь: чем совершеннее человек, тем совершеннее общество и создаваемые им конституции, структуры развития и управления – общественные институты, законы, обеспечивающие гарантии, защиту, свободу и тому подобное. Личность же, согласно степени своих природных наклонностей, отдаёт свою энергию – умственную и физическую – на благо общества. Ты меня понимаешь? Тебе интересны мои мысли? – Наев поймал взгляд Ханы, уютно устроившейся с ногами в кресле, и ободряюще улыбнулся.

– Интересно, дедусь. Ты замечательно читаешь лекции.

– Для меня более важно общение с тобой.

– Для меня не только важно, но очень интересно всё, что ты говоришь! Просто очень! – с жаром произнесла Хана, скупающая по непосредственному общению, уставшая от электронных заменителей оного.

– Тогда продолжу, и спасибо за согласие слушать. Нынешняя молодёжь ничего не желает, кроме своих электронных игрушек. Она разучилась думать, слушать, рассуждать.

– Да, дедушка, согласна. У нас на занятиях разрешают

пользоваться Интернетом для получения информации, только когда это требуется для самостоятельной работы.

– И это правильно. Надо давать отдых воспринимающему аппарату – его величеству Мозгу, по причине неуважения к которому молодые люди впадают в зависимость от технических средств, не желают думать о будущем. Каждый второй страдает инфантилизмом, депрессиями, расстройством нервной системы. По-моему, мнению, наблюдаются процессы деградации, общего отставания по всем параметрам образовательного уровня. Молодёжь неуважительно относится к старшим, ведёт себя вызывающе, агрессивно, часто совсем по-хамски. Не кроется ли в этом надвигающаяся с неумолимой быстротой катастрофа? Кажется, мир уверенно, ускоряющимися темпами идёт к концу.

– Дедушка, ты преувеличиваешь. У нас в колледже замечательные ребята, – Хана спустила ноги с кресла, и Наеву показалось, что она не желает больше слушать, но это его не остановило, и он продолжал с ещё большим жаром:

– Да. Это большой и весьма больной вопрос, требующий изучения и дискуссии. Итак, мы говорили о человеке и его приспособляемости к обществу. Если человек не совершенен, то что говорить об обществе, создаваемом им? Естественно, время от времени появляются бунтари, желающие изменить, перестроить общество. Чем это всё кончается, ты лучше меня знаешь из уроков истории. Хотя, на мой взгляд, нужно большее предпочтение отдавать великим учёным, ис-

тории открытий в областях науки, а также философии и искусству, а не тому, как велись грабительские войны и сколько пролито крови. История наша – история варварства. Самое страшно и опасное явление – фашизм. Ты это тоже знаешь. Фашизм не появляется на голом месте. Отрицательно заряженная энергия, накапливаясь, ищет выход – скандал, драку, побоище, войну, объединяя все семь смертных грехов: гордыню, зависть, гнев, уныние, алчность, чревоугодие, блуд, создавая тяжёлую атмосферу проживания и, я бы даже сказал, выживания, и затем выливается в народные бедствия: восстания, перевороты, революции, гражданские войны, мировые войны, террор. Всё это я к чему тебе говорю, – Наев внимательно посмотрел на внучку, – догадываешься?

– Нет... Не знаю, не догадываюсь, – растерянно пролепетала Хана.

– Хм... Может, я тебе наговорил лишнего. В чём смысл? – смутился Валерий Степанович.

– Смысл в том, чтобы я училась сознавать свою ответственность перед окружающими и поскорее самым удачным образом вписалась в общественные нормы поведения, то есть не отлынивала от занятий, не подстраивала свои выставления за дверь с целью сбежать к бабушке и в надежде повидаться с тобой.

Теперь уже профессор растерянно посмотрел на внучку, не находя слов. Оказывается, любимая внучка не только выдерживала его наставления, но научилась улавливать суть,

зерно, корень основной идеи. Он и раньше никогда не разговаривал с ней, как с ребёнком, лишь немного упрощая, сводя до детского уровня понимания, и девочка всё впитывала, быстро умнея.

Скорее всего, ей скучно в колледже. В ней растёт тонкий мыслитель, философ? Хорошо бы она стала нейрохирургом. Раньше Валерий Степанович брал её на свои операции, и внучка с нескрываемым восторгом и недетским любопытством наблюдала за выполнением сложнейших, тончайших действий, производимых им, не придавая значения тому, что действия эти производятся на человеке. Когда же осознала, то наотрез отказалась присутствовать на показательных операциях.

Валерий Степанович многократно пытался ей объяснить необходимость и гуманность своей профессии, спасающей жизни людей, но Хана оставалась при своём мнении.

И всё же, думал профессор, основы он заложил в её пластичный, восприимчивый мозг, и внучка, повзрослев, придёт к решению стать нейрохирургом, и он сможет ей передать все тонкости своего знания и мастерства. Надо её переубедить в необоснованности желания лететь на Марс в любом другом качестве, кроме как врачом. А там, глядишь, она, став крупным специалистом, изменит своё романтическое желание и останется на Земле.

После небольшой паузы профессор, глядя в родные глаза, тихим, бархатным голосом продолжил:

– Понимаю. Тебе скучновато на занятиях. Общий курс, однако, придётся пройти. Ты же не сможешь засесть дома, даже и с репетиторами, и экстерном сдать экзамены?

– Почему? – быстро возразила Хана. – Если бы очень захотела, смогла бы.

– Понимаю, но ты не очень хочешь?

– Нет. Не хочу. А почему – и сама не знаю.

– Хотя бы для того, чтобы как можно быстрее исполнить свою мечту.

– Полететь на Марс? Всё-то ты знаешь про меня.

– Но совсем не могу понять твоё страстное желание покинуть Землю.

– Ну... Здесь так всё однообразно. Знакомо...

– Нет. Тебя что-то здесь не устраивает.

– Мне хочется посмотреть на другую планету.

– Отлично! Но для этого лучше и полезней будет, если ты полетишь на Марс, освоив, к примеру, профессию врача, а ещё лучше – нейрохирурга. У тебя есть возможность перенять у меня опыт. Это будет разумно.

– Дедуль! Ты абсолютно прав. Я и сама об этом задумывалась.

– Просто замечательно. Не ожидал, просто не ожидал. Я с радостью оплачу твой курс в университете, а практические занятия предлагаю начать под моим руководством немедленно. Это тебе поможет быстро стать отличным практикующим врачом, специалистом своего дела, тем более ты в неж-

ном возрасте приобщилась к этому. В нейрохирургии, как и в любой другой области, необходим каждодневный труд, упорство, опыт и непреклонное движение к намеченной цели. Цель у тебя есть. Всё остальное зависит от тебя.

– О, дедушка! Если бы знал, как я тебя люблю! – с этими словами Хана бросилась на шею Валерия Степановича и покрыла поцелуями его лицо.

– Но ты должна себя вести более осмотрительно, – расцвёл тот в улыбке.

– Конечно, конечно! – восторженно прошептала Хана. Глаза её сияли, яркий румянец покрыл щёки, и она была необыкновенно хороша в этот миг.

Валерий Степанович залюбовался внучкой. Он продолжал довольно улыбаться, так как разговор возымел действие и он склонил внучку принять правильное решение.

– Итак... Договорились? Расписание обязательного присутствия на показательных операциях вместе со студентами хирургического отделения пришлю на твою почту. И без прогулов! Обещаешь? – и он шутливо погрозил указательным пальцем.

– Обещаю, обещаю! Я хочу спасти людей, – закивала головой сияющая Хана.

Этот разговор происходил в гостиной со старинным камином, на котором покоились скульптурные работы лучших мастеров и часы в малахитовой оправе, стрелки на которых застыли на без пяти минут двенадцать, что раз в году при встрече Нового года оказывалось весьма уместным.

Хумов в это время находился в комнате Ханы наверху. Дверь была приоткрыта, и он отчётливо слышал весь разговор, так как профессор по своему обыкновению говорил достаточно громко: сказывалась привычка при чтении лекций на кафедре, а кроме того это была манера человека, желающего достучаться до ума собеседника, если не до сердца. Хумов лежал на своём матрасе, но каждый мускул его тела находился в напряжении и готовности к исчезновению через приоткрытое окно на случай, если Хана неожиданно признается в его таинственном присутствии. Он допускал, что Хана может рассказать о нём дедушке, хотя и отказывался полностью этому верить. Внизу голоса притихли, что заставило его подняться и кошачьей походкой подойти к окну.

Из парадной высоченного небоскрёба, который находился напротив и существенно мешал солнцу проникать в окна даже второго этажа – о первом и говорить не приходится, – выпорхнула маленькая фигурка прелестной китаянки в розовом комбинезоне, на ходу поправляющей лямочку,

сползшую с худенького плечика и перехваченную беленьким бантиком. Она достала из бежевого кружевного рюкзачка огромные розовые очки, ловко нацепила их, слегка опустила головку в маленькой шляпке с полями, закрывающими личико не только от солнца, но и от нежелательных взглядов, и, быстро оглянувшись, пошла по тротуару, по всей видимости, к остановке метро. Не успела хрупкая фигурка девушки скрыться из поля зрения, как Хумов заметил белокурого юношу, поспешающего за ней, разгорячённого и несколько смущённого вида. «Не одни только девочки-подростки не могут сохранять тайну, – подумал он, – а некоторые тайны для внимательного глаза легко становятся явными. Да-да... так оно и есть». Мысли его вернулись к себе и к ситуации, в которой он оказался.

Хана. Зачем он пришёл к ней? Никогда не имел ни с одной девушкой даже возможности поговорить. Она ему понравилась? Да. Очень понравилась. Из-за этой встречи он провалил экзамен, так как действовал с оглядкой на неё: что она подумала бы о нём, не начала ли смеяться над ним, не посчитала ли бы его трусом? Трусом? Трусом он не хотел стать ни в своих, ни тем более в её глазах. Что за ерунда? Почему случайная встреча смогла перевернуть всю его жизнь?

Вот он сейчас находится не в том месте, где ему положено быть. Совсем не в том. Совсем. И не знает, как ему дальше действовать в создавшейся ситуации. Создавшейся ситуации... Создавшейся ситу... Ситу... Он сам создал эту си-

туаацию. Теперь пытается оправдаться. Перед собой? Хотя бы перед собой. А перед кем? Его разыскивают. Он должен скрываться. Ему приходится скрываться из-за того, что его разыскивают. Он бы мог переступить через себя и сделать так, как должно, как надо, как от него ждали, как на него рассчитывали, готовя к выпуску. И он сдал бы этот последний экзамен.

Он бы сделал так, как надо. Он всего лишь исполнитель, будущий спасатель и должен действовать в ситуации не раздумывая, быстро, решительно! А ему захотелось выглядеть героем в её глазах. Её глазах. Голубых, небесных, изумительно прекрасных глазах.

Человек, когда неожиданно для себя задумается – хотя этому препятствует огромное, ежедневно пополняющееся поле информационного замусоривания через всевозможные СМИ, сайты, блоги и тому подобное, не говоря уже про видео, фильмы и другие визуальные штуки, – так вот, когда он всё-таки задумывается, то начинает понимать, что он всего лишь один, один из миллиардов живущих с ним в одном пространственно-временном отрезке; он начинает понимать, что это явно и неожиданным образом сближает его с другими. И даже очень сближает. Стоит только на секунду задуматься, осознать невидимую взаимосвязь всего живого и космоса. В другое время и в другом, изменённом пространстве – пространство тоже изменяется, тем более если пребываешь на Марсе – будут жить совсем другие люди, ко-

торые не будут знать ничего или почти ничего, разве что о больших учёных, великих мыслителях, правителях, а о простых, как он и миллиарды других, таких же как он, ничего знать не будут. Просто не смогут найти о них информацию в этих бесчисленных ЖЖ, сайтах разного назначения, где каждый пользователь спешит поведать о своих простых и естественных потребностях, описывая каждый свой бесценный прожитый день с максимально возможными подробностями для общего обозрения и с надеждой хоть на какую-то, пусть самую минимальную, чью-то заинтересованность своей особой в будущем, уже без него: после его смерти. И всё же всегда брезжит такая, на первый взгляд, абсурдная идея, а посему, люди, упражняясь в писательском мастерстве на ежедневной основе, неожиданно для себя обнаруживают довольно высокий уровень владения оным, что повышает планку их самоуважения, делая возможным в какой-то мере исполнить свой антропологический долг перед потомками, предоставив последним продолжить свой недюжинный труд. Но некоторые не хотят «выставлять» перед другими свои искренние порывы души и тяготы своего измученного тела, не хотят по одной простой причине: численность народонаселения устрашающе увеличивается. Устрашающе! И будет так и дальше происходить. Вот хотя бы эта китаянка, китаяночка – ночка Китая, Китая ночка и белобрысый. Сразу понятно. Слов не надо.

А он никому не нужен. Совсем никому. У него никого нет.

Родителей нет. Вырос в детдоме. Сам, как говорится, по себе. Выбрал профессию спасателя, а ведь мог бы выбрать другую. Романтики захотелось. На Марс нацелился лететь. Как там пели... «И на Марсе будут яблони цвести». Теперь его разыскивают. Он не желает сдаваться. За ним устроили погоню. Если бы просто поговорили, объяснили, поправили, а то сразу – погоня. Нет, даже облава! И он сейчас чувствует себя затравленным зверем. Зверем, загнанным опытными, беспощадными охотниками. Он же применил силу к тем двоим. Сработал инстинкт. Инстинкт самосохранения. Он применил силу и пустился в бег. Куда делась его дисциплинированность, готовность подчиняться? Те двое, если бы он с ними не расправился, взяли бы его, как зверя. А что потом? Об этом не легче думать, чем о том, как быть с Ханой. Рассказать ей обо всем?

В любой ситуации главное – держаться позитивных мыслей. Вот он и держится позитивных мыслей. Ему очень хотелось увидеть Хану, и он её увидел, и это здорово! Это замечательно. Хана – необычная девушка. Она добрая. Так с ним никогда и никто не разговаривал. Так может разговаривать только сестра. Ласковая, добрая сестра. Он мужчина. Смелый, тренированный, сильный, но ему нужны забота и ласковое слово, да, хотя бы слово. И кошке которое...

Внизу хлопнула дверь. Он отвлёкся от своих мыслей, улыбнулся, застыл в ожидании.

По лестнице застучали торопливые шаги, и в комнату вбе-

жала она.

– Дедушка ушёл, – выдохнула Хана и, встретив улыбку, засияла ответной.

– Хороший у тебя дедушка, – продолжая счастливо улыбаться, откликнулся Хумов.

– Ой, ты, наверно, безумно голоден, – спохватилась девушка.

– Почти умираю.

– Пойдём вниз, я тебя накормлю. Да не бойся. Родители вернутся после пяти.

И Хумов послушно последовал за ней. Ему почему-то начало казаться – и это не выглядело странным, – что он с рождения живёт в этом уютном доме, настолько ему было хорошо. Впервые в жизни по-настоящему хорошо.

Хана достала из холодильника сыр, масло, ветчину. Тонкими ломтиками нарезала хлеб, быстро сделала сэндвичи, переложила их на тарелочку из тонкого китайского фарфора, засыпала кофе в кофеварку.

А Хумов в это время сидел рядом и с наслаждением следил за её ловкими, быстрыми движениями. Он не знал, сможет ли он съесть приготовляемую пищу. Ведь его желудок привык к искусственной еде. Вернее, к еде, которую обычно используют при полёте на Марс и проживании там. И это вполне понятно. На чужой планете только таким образом и возможно поддерживать свои силы. Но из рук Ханы он был готов съесть всё. Даже гвозди проглотить.

– Ешь, ешь. Не стесняйся. Может, тебе омлет соорудить? – улыбалась она, заглядывая в его глаза, стараясь уловить одобрение.

Хумов осторожно взял ломтик сыра, понюхал и несколько нерешительно отправил в рот. Покатал там, словно прислушиваясь к вкусовому ощущению, помедлил и, зажмурив глаза, проглотил.

Хана, наблюдавшая за ним, весело расхохоталась, да так заразительно, что и он начал смеяться – сначала тихо, а потом громче и громче. И вот они уже смеялись вместе, хватаясь за животы, вытирая слёзы, сползая со стульев на пол. И не было сил остановить этот захлёбывающийся смех, смех молодости, взаимной влюблённости, объединяющий их души, обещающий счастье понимания, узнавания, радости встречи. Хана периодически восклицала:

– Ой, мамочки, ой, не могу! Пожалейте! Живот разрывается.

– Это ты, ты меня завела! Никогда... Никогда так не смея... смеялся, – вторил он.

– Я же лопну. Помогите. Не могу больше.

– Ой, не могу. Не могу. Ты... ты... самая смешливая на Земле и на Марсе.

– Хочу на Марс. Животик мой. Надо же... Помогите!...

Услышав сигнальное слово «помогите», Хумов сразу отреагировал. Поднявшись, он подошёл к раковине, открыл кран и плеснул себе в лицо холодной воды. Хана, продолжая

смеяться, делала знаки левой рукой, призывая его сделать то же самое и ей. И он, набрав воду в пригоршни, подошёл к ней, опустил на колени, протянул ладони. Вода вырывалась из его ладоней, стекая тонкой струйкой на ковровое покрытие. Она же схватила его за запястья и приложила ладони к своим пылающим щёчкам. Это было неожиданно для Хумова. и он заостенело замер. Она сразу перестала смеяться, отпустила его руки и, скрывая неловкость, вскочила.

– Что это я... Ты же ничего не поел. Сейчас я тебе приготовлю моё любимое блюдо. Когда я чем-то увлечена и у меня нет желания готовить, я использую простой, вкусный, полезный метод насыщения.

Хумов взял чашку с кофе. «Попробую этот напиток», – сказал он и отпил глоток.

– Кофе я не очень. Больше чай, – весело откликнулась Хана, доставая бутылку с подсолнечным маслом и осторожно наливая его в мелкую тарелочку.

– Горько. Неужели тебе нравится? – морщась, сказал Хумов.

– Сахару добавь и сливок. Возьми в холодильнике.

– Спасибо. Так пойдёт.

Хумов не хотел признаваться в том, что он первый раз в жизни пьёт кофе. Их сознательно ограждали от подобных продуктов, чтобы впоследствии не возникала потребность. И ещё, после их безумного хохота, он по-новому посмотрел на Хану: не как на подростка, а как на умную, красивую девуш-

ку. Это сделало его стеснительным, если не застенчивым, добавив к его чувству элемент обожания.

Хана поставила перед ним тарелочку с маслом, солонку и хлеб. Масло живо напомнило ему обычную еду, и он благодарно улыбнулся, однако попросил сначала налить немного для пробы. Хана, смешно тараща глаза и при этом надувая щеки, приговаривая; «Ну надо же, надо же! Маслица захотел», налила в ложку масло, поднесла к его губам.

Хумов глотнул и тоже вытаращил глаза. Ничего противнее ему не приходилось пить. Даже когда он был маленьким и врач в белом халате вливал в него микстуру от простуды. «Стоит ли ей объяснить мои проблемы, в частности – проблему с едой?» Во всяком случае, не сейчас. А когда? Не может же он пользоваться гостеприимством столь долго... а сколь долго? Он должен скрываться. В этом доме нельзя оставаться. Не может он подвергать опасности Хану и её семью. Вчера он оказался здесь по одной причине, и эта причина стала для него вполне прозрачной: он хотел увидеть эту девушку. Лучше бы он после той случайной встречи в метро никогда больше её не видел. Никогда!

А так – у него появилась проблема. Справиться с ней невозможно. Проблема заключается в том, что теперь он должен защищать эту девушку от всех непредвиденных опасностей. Он за неё боится больше, чем за себя, она стала для него дороже всего на свете, дороже жизни. Прелестное, доверчивое создание, совсем ребёнок. Каждый её может

обидеть. И тогда душа её обледенеет, закроется, свет в глазах померкнет, и она перестанет радоваться жизни, звонко смеяться и так открыто, доверчиво улыбаться.

Он привык к улыбкам, так как улыбались друг другу все без исключения. Это началось после того, как учёные доказали огромную лечащую силу улыбки, охраняющую организм от множества заболеваний, продлевающую жизнь, равно как и благожелательность, доброе отношение, участие, милосердие и подобные добрые чувства. Противоположные же чувства обладали силой разрушать организм, делать его больным, значительно укорачивали жизнь. Улыбались все, но не так здорово, как Хана. Она вся светилась. Рассказать ей сейчас?

Хана, словно угадав его мысли, посерьёзнела и, посмотрев ему в глаза, сказала:

– Иди наверх и жди меня. Там изложишь, кто ты и что собираешься делать.

И он пошёл наверх и стал ждать её, немного волнуясь, а когда она появилась, как можно внятнее, не вдаваясь в детали (он чётко знал, что можно говорить, а что нельзя), рассказал свою историю и о том, что не знает ничего о родителях и никогда их не видел.

Хана прониклась, и глаза её затуманились слезами. Сочини он ей самую невероятную легенду, чуть ли не с пиратскими приключениями, она и этому бы поверила, настолько у

неё была чистая и добрая душа, а сердобольное сердце уже было готово утешать, жалеть, опекать. Посмотрев своими ясными глазами и каким-то неуверенным, потухшим голосом она спросила:

– Что ты собираешься делать?

– Пока не знаю. А ты что скажешь? Мне не с кем посоветоваться.

– Правда? – с придыханием переспросила она, явно польщённая и желающая ещё раз услышать подтверждение высказывания, разрушающее её сомнения в своей необходимости и своей значимости для него.

– Да. Больше не с кем. У меня никого нет. Только ты. Спасибо тебе.

Почему-то ему хотелось выглядеть в глазах Ханы более беспомощным. Впервые он почувствовал участие. И это участие было не поддельным, а самым что ни на есть искренним, и ему хотелось продлить удовольствие от осознания её заботы, страха за его будущее, волнения за его жизнь...

Хана каким-то шестым чувством это поняла и сколь возможно обнадёживающим голосом произнесла:

– У меня есть одна идея. Только не знаю, подойдёт ли для тебя. Вернее, как бы это сказать, не обидит ли тебя моё предложение. Меня волнует, как ты на это посмотришь.

– Не волнуйся. Всё не настолько плохо, как может показаться на первый взгляд. Я успел предпринять главное спасительное действие. Вот посмотри, – и он начал доставать из

рюкзака запечатанные банковским способом деньги, выкладывая их стопкой у ног Ханы.

– Ты украл это? – её глаза расширились, на носу выступили капельки пота, и она, опустившись на пол, сев в йоговскую позу, скрестив ноги, с изумлением взирала на растущую горку бумажек – эквивалент желаний, счастья, вожделения для большинства людей.

– Вот ещё! – с некоторой досадой воскликнул Хумов. – Нам, ликвидаторам, недостойно опускаться до подобной низости.

– Какие ещё ликвидаторы?

– Ну как тебе сказать?.. – с неудовольствием человека, у которого неожиданно выскочило лишнее слово, замялся он.

– Ты же говорил, что спасатель.

– Спасатель и ликвидатор в общем одно и то же. Мы для себя так обозначили свои действия: найти и ликвидировать любые очаги вредного воздействия зон, любые угрожающие факторы как технического, так и биологического порядка, а также террористического.

– Какие очаги? О чём ты говоришь? Ничего не понимаю.

– Сейчас поясню. К примеру, до нас жили поколения людей, которые, мягко сказать, не совсем заботились о потомках, скорее даже вовсе не заботились. Быть может, не знали, быть может, наплевательски относились – после нас хоть потоп. Но не в этом дело, и даже это не так важно. Суть в том, что предыдущие поколения оставили нам огромные

свалки переработанного мусора, но это ещё куда ни шло. Самое ужасное – ядовитые отходы производств, радиоактивные захоронения и тому подобное. Если этим не заниматься, человечество обречено на вымирание. Идея переселения на Марс возникла не случайно. На Земле становится жить не просто опасно, а смертельно опасно. Отходы растут с ростом численности населения. Перерабатывающие предприятия не справляются с этой задачей. Ликвидаторы, работая на Земле, занимаются выявлением опасных зон. На Марсе для них несколько другие задачи.

– Понятно. А деньги откуда?

– Это мои сбережения. Во время учёбы нам положена стипендия. На практике – платили очень хорошие деньги. Так как мы находились на полном обеспечении, у меня накопилась кругленькая сумма. Утром, когда ты была в колледже, я снял деньги со своего счёта. Бери, сколько хочешь, – и Хумов легонько носком ноги подтолкнул пачки к сидевшей на полу Хане.

– Ты что, очумел? Мы же друзья! И вообще... Деньги меня не интересуют. Не хочу возвращаться, – она встала и отошла к окну.

– И правильно делаешь. Я просто хотел сказать... В долгу я у тебя. И если тебе что надо...

– Ничего мне не надо. Благодарю. У меня всего достаточно. Видишь небоскрёб? Вот туда я не хочу. Привыкла к этому дому, но придётся из-за перенаселения. Ничего с этим не

поделаешь. Людям необходимо жильё. Мы же не можем себе позволить, чтобы человек скитался, спал где попало, чтобы у него не было даже минимума на самое необходимое – на лечение, зубную пасту, наконец. Не понимаю, почему такое допускали раньше. Это варварство какое-то. А войны? Терроризм? Неужели было непонятно, что все это недостойно звания Человек! Меня это так возмущает, хотя такое происходило раньше. Убери деньги.

– Хорошо. Извини. Я просто рад, что удалось снять. Не успели заблокировать. Или не догадались. Во всяком случае, я теперь смогу передвигаться.

– Что ты, что ты, – замахала руками Хана. – Тебя наверняка ищут, и ты тут же попадёшься.

– Ищут? Постой, постой. Ты мне подала блестящую идею. Блестящую! – сказал Хумов, укладывая пачки обратно в рюкзак.

– Ну же, ну же! Говори поскорее. Какая идея? Я немедленно хочу знать, – Хана от радости захлопала в ладоши и стала подпрыгивать, как маленькая девочка после получения долгожданного подарка.

– Уничтожить информацию о себе.

– А ты сможешь?

– Попытаюсь.

– В этом случае тебя будут искать как хакера.

– Пусть попробуют. Хакера трудно вычислить. Мы практиковались и в этом.

– А это ещё зачем?

– Для умения разгадать интригу, стратегический ход тех, кто занимается подобным неблагородным занятием.

Хана смотрела на него восторженными глазами, и этого было достаточно для Хумова, чтобы ощутить себя уверенным, сильным и счастливым.

Наступает время, когда ты больше не можешь влиять на события и тебе остаётся только следовать за ними вопреки своей воле и своему желанию, признавая свою беспомощность. Быстрее всего это начинают чувствовать жёны, улавливая перемену в муже по взгляду, в котором проскальзывает пока ещё тщательно скрываемое даже от себя самого равнодушие, по его интонации – жёсткой, с ноткой металла: сказал – и как отрезал, забывая при этом, что мужчина создан исключительно для выполнения желаний женщины, имеющей контакт с космосом, и её недовольство отрицательно сказывается как на семье в целом, так и на каждом её члене в отдельности. Более всего этой сверхъестественной чуткости подвержены женщины в преклонном возрасте: их опыт, ослабленная нервная система, мысли об ушедшей молодости, ранее дающей возможность магически воздействовать одним только своим присутствием на сильную половину, а теперь заменяющейся привязанностью, привычкой, общими заботами, оборачиваются если не ревностью, то усилившейся придирчивостью взгляда, способного обнаруживать невидимые признаки возможных нежелательных перемен в налаженном гладком, спокойном движении совместного проживания, подготовке к предстоящей старости и вечному покою.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.